

Изъ прошлаго Тамбовской епархіи.

Игуменъ Тихонъ (Ципляковскій-Сперанскій).

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Въ концѣ 1896-го года въ стѣнахъ Вышенской пустыни почилъ о Бозѣ жившій здѣсь на покоѣ и въ полномъ почти затворѣ—игуменъ Тихонъ. На два года только пережилъ своего знаменитаго наставника, Вышенскаго затворника, епископа Теофана (Говорова). Недолга сравнительно была жизнь о. Тихона, но не мало было въ жизни этой поучительнаго.

Младшій сынъ бѣднаго священника прихода села Гремячева Григорія Иванова Ципляковскаго, игуменъ Тихонъ, въ мѣрѣ Іаковъ, родился приблизительно въ концѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Лишившись еще въ раннемъ дѣтствѣ своего отца, мальчикъ Іаковъ поступилъ въ Шацкое ду-

ховное училище уже при пособі своихъ старшихъ братьевъ, въ Тамбовской-же Семинаріи обучался подъ вѣдѣніемъ самаго старшаго брата своего Василя Григорьевича Сперанскаго, занимавшаго по окончаніи курса свѣтскую должность въ Тамбовѣ. Руководимый и поддерживаемый старшими братьями своими, Яковъ Григорьевичъ кончилъ Семинарію со званіемъ студента. По выходѣ изъ учебнаго заведенія онъ на весьма короткое время опредѣлился на свѣтскую должность. Но свѣтская жизнь мало прельщала будущаго монаха по убѣжденію. Рѣшившись оставить міръ, молодой студентъ поступилъ въ число братій Вышенской пустыни, гдѣ настоятельствомъ въ это время приснопамятный архимандритъ, — тогда еще игумень. — Аркадій. Строгий авва встрѣтилъ «ученаго» послушника на первыхъ порахъ не совѣмъ мягко. Указывая желающему вступить въ монастырь на правила истинной монашеской жизни, настоятель прибавилъ:

«Ты долженъ начать съ того-же, съ чего начинаютъ и другіе, вступая въ обитель, т. е. исполнять всѣ виды послушанія: рубить дрова, носить воду старшимъ и т. п.»

«Все, возлагаемое буду исполнять безропотно и, по мѣрѣ моихъ силъ, точно и аккуратно». — отвѣтилъ новый послушникъ и началъ свою трудовую жизнь въ монастырѣ. Черезъ полгода настоятель, видя безусловное повиновеніе во всемъ вновь поступившаго, предложить было ему принять постриженіе; но инокъ Іаковъ попросилъ игумена дозволить ему пробить послушникомъ до конца года, на что и получилъ разрѣшеніе. За образецъ своей монашеской жизни Іаковъ взялъ святителя Тихона Воронежскаго, въ знакъ чего при постриженіи своемъ въ монашество и принялъ имя сего святаго. Припоминаю, что дядя, — игумень Тихонъ приходился мнѣ роднымъ дядею по матери, — не могъ безъ внутренняго содраганія произносить даже имени этого великаго Угодника Божія. До самой смерти въ изголовьяхъ его постели находилось живописное изображеніе сего Святителя; а сочиненіями послѣдняго онъ положительно зачитывался. Самое начало вступленія его въ монашество почти совпадало со временемъ

прославленія этого Святителя. Въ санѣ іеромонаха Тихонъ предпринялъ путешествіе по епархіи, по назначенію архимандрита, съ Чудотворною Иконою Казанской Божіей Матери. Въ это-ли, или въ другое время, онъ ознакомился съ однимъ боголюбцемъ, который, собираясь поклониться святымъ мѣстамъ Палестины, какъ человекъ состоятельный, предложилъ дядѣ сопровождать его къ мѣстамъ поклоненія, принимая всѣ расходы по путешествію за свой счетъ. Мысль побывать въ мѣстахъ, освященныхъ пречистыми стопами Богочеловѣка, всегда была вожеделѣнною для іеромонаха Тихона; поэтому онъ съ величайшею радостью согласился на предложеніе благочестиваго мірянина, имя коего я, къ сожалѣнію, не припомню. Сподобившись поклониться Живоносному Гробу Господню и прочимъ святынямъ Востока, іеромонахъ Тихонъ прибылъ, наконецъ, къ «порубежному столпу Православія—на св. Аѳонскую Гору, гдѣ, распростившись, вѣроятно, съ благодѣтелемъ, и рѣшился остаться навсегда. Отсюда онъ пересылалъ въ свое отечество на имя своего брата, священника прихода села Аксеновки Спасскаго уѣзда Ивана Григорьевича Ципляковскаго, книги, брошюры и картины изданія Св. Горы для продажи желающимъ. Но какъ ни дорогъ былъ Аѳонъ сердцу дяди моего, однако навсегда остаться здѣсь ему не удалось: слабость здоровья принудила его оставить мѣсто, съ которымъ онъ мысленно не разставался за весь періодъ остальной своей жизни. Прибывъ на родину, іеромонахъ Тихонъ опять водворился въ излюбленной имъ Вышенской пустыни, гдѣ въ это время уже былъ на покоѣ святитель Теофанъ. Въ этотъ-то періодъ, какъ нужно полагать, и началось духовное сближеніе дяди моего съ знаменитымъ Святителемъ-подвижникомъ. Но и въ этомъ любимомъ монастырѣ, однако, недолго пришлось ему быть: отсюда онъ переведенъ былъ на должность казначея въ Лебедянскій Троицкій монастырь, а затѣмъ экономомъ архіерейскаго дома въ Тамбовскій Казанскій монастырь, гдѣ и былъ возведенъ въ санъ игумена. Уже здѣсь онъ почувствовалъ, что настоятельское служеніе оказалось ему совсѣмъ «не по плечу». Строгий къ самому себѣ,—онъ стре-

мился возложить это не для всѣхъ удобоносимое ярмо и на вѣренную ему братію, и въ этомъ отношеніи, по отзыву болѣе опытныхъ наставниковъ, даже кое-гдѣ переходилъ границы. Его послали въ монастыри въ качествѣ исправителя. Воспитанный на святоотческихъ книгахъ, онъ думалъ и старался жизнь монастыря устроить «по книжному». Но увы! Теорія далеко оказывалась непримѣнимою на практикѣ. Вслѣдствіе этого вѣренная ему монастырская братія подчасъ совсѣмъ не могла понять своего настоятеля и не могла также оцѣнить его благихъ начинаній. Настоятельское служеніе игумена Тихона въ Темниковскомъ Санакарскомъ монастырѣ было для него по истинѣ тяжелымъ крестомъ. Проживая въ этой обители въ каникулярное время въ годы своей ученической жизни, я видѣлъ, какъ дядя мучился, не зная, на кого свалить вину своихъ неудачъ по управленію монастыремъ. Здѣсь уже онъ окончательно убѣдился въ томъ, что не только хорошимъ, но даже и зауряднымъ настоятелемъ онъ быть не могъ. На ряду съ подвижничествомъ требовалось кое гдѣ и кое въ чемъ собразоваться и съ «мудростью вѣка сего», на что, у него, какъ онъ самъ выражался, совершенно не доставало «смекалки». Неудивительно поэтому, что между нимъ и вѣренною ему братією всегда ощущалось какое-то непреодолимое средостѣніе. Это чувствовали его подчиненные, а болѣе ихъ чувствовали и признавалъ онъ самъ. Онъ былъ начальникомъ своей братіи, но никогда не былъ и не могъ быть ея отцемъ. Такое служеніе представляю изъ себя положительно какое-то фаталистическое сцѣвленіе несприятностей и не могло, конечно, не отзываться разрушительно на его здоровьѣ. Прибавимъ еще, что онъ искренно любилъ свою братію, но и на эту любовь послѣдняя смотрѣла съ какою-то подозрительностью. Въ эти горькія минуты непонятый страдалецъ очень часто повторялъ слова своего небеснаго Покровителя, святителя Тихона: «Куда мнѣ дѣть себя?». И этотъ искренній вождь души человѣческой могли понять только тѣ немногіе, которые очень хорошо знали игумена Тихона.

Но всё эти тревоженія, однако, не мѣшали ему заняться литературнымъ трудомъ, плоды котораго по временамъ появлялись на страницахъ Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей». Въ періодъ своего настоятельства въ Лебедянскомъ Троицкомъ монастырѣ игумень Тихонъ попалъ въ немилость тогдашняго владыки епископа Виталія, который, впрочемъ, при тщательномъ разслѣдованіи, убѣдился въ его неповинности; но это было, какъ говорится, послѣднимъ ударомъ, послѣ котораго «непонятый» настоятель навсегда уже отказался отъ непосильнаго своего служенія. Испросивъ увольненіе, дядя мой удалился въ Вышенскую пустынь, гдѣ всецѣло ушелъ въ иноческій подвигъ, столь близкій строгой и благочестиво настроенной душѣ его.

Не задолго до кончины своей, на которую онъ смотрѣлъ, какъ на избавленіе отъ гнетущаго его недуга тѣлеснаго, онъ почти совсѣмъ затворился и допускалъ къ себѣ въ келію лишь немногихъ лицъ; съ преосвященнымъ-же затворникомъ епископомъ Теофаномъ, находился въ довольно частой перепискѣ. Самымъ любимымъ и задушевымъ собесѣдникомъ его за этотъ періодъ уединенія былъ учитель Куцленской церковно-приходской школы,—нынѣ священникъ и завѣдующій этой преобразованной школы,—Иванъ Петровичъ Богоявленскій. Послѣдній служилъ для него почти единственнымъ живымъ связующимъ звеномъ съ внѣшнимъ міромъ, съ которымъ онъ, какъ бы заживо, покончилъ почти всё счеты. Въ этотъ-же періодъ игумень Тихонъ издалъ свой литературный трудъ—«Іерейское служеніе—добровольное мученичество». Бывшій ректоръ Тамбовской Духовной Семинаріи,—въ настоящее время Предсѣдатель Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ,—протоіерей Павелъ Ильичъ Соколовъ раздавалъ эту книгу «въ назиданіе» всѣмъ окончивающимъ курсъ воспитанникамъ Семинаріи.

Изъ глубины своего уединенія игумень Тихонъ не переставалъ однако снабжать письменно добрыми христіанскими совѣтами, какъ своихъ присныхъ, такъ и другихъ носторожныхъ лицъ, обращающихся къ нему съ тѣми или другими за-

просами христіанской жизни. Онъ почти предвидѣлъ свой смертный часъ. Предъ смертью особоровался и причастился. Умеръ незримо ни для кого, сидя на стулѣ...

Пишущій эти строки былъ предметомъ чуть-ли не самыхъ наибольшихъ заботъ его до самой смерти. За послѣднее время, предъ кончиною своею, при каждой встрѣчѣ со мною, игумень Тихонъ неоднократно внушалъ мнѣ: «Я молюсь, чтобы Господь воздалъ тебѣ все должное въ этой жизни!». Этими то знаменательными для меня, но еще не вполнѣ разгаданными мною словами, я и позволю себѣ закончить эту краткую біографическую замѣтку, оставляя мѣсто дополнить оную оставшимся въ живыхъ приснымъ отошедшаго въ иной и, безъ сомнѣнія, лучший міръ раба Божія игумена Тихона.

То, что было назидательнаго въ жизни почившаго, то сохранилось въ письменахъ его и запечатлѣлось на скрижаляхъ сердечныхъ, въ особенности тѣхъ, кто такъ или иначе былъ въ соприкосновеніи съ нимъ, какъ съ наставникомъ духовнымъ. Къ этому прибавлю еще и то, что говорили объ игуменѣ Тихонѣ и доселѣ говорятъ: «Онъ жилъ въ Богѣ и для Бога».

Н. Ларинъ.